

Из пасти льва
струя не журчит и не слышно рыка.
Гиацинты цветут. Ни свистка, ни крика.
Никаких голосов. Неподвижна листва.
И чужда обстановка сия для столь грозного лика,
и нова.

Пересохли уста,
и гортань проржавела: металл не вечен.
Просто кем-нибудь наглухо кран заверчен,
хоронящийся в кущах, в конце хвоста,
и крапива опутала вентиль. Спускается вечер;
из куста
сонм теней

выбегает к фонтану, как львы из чащи.
Окружают сородича, спящего в центре чаши,
перепрыгнув барьер, начинают носиться в ней,
лизут лапы и морду вождя своего. И чем чаще,
тем темней
грозный облик. И вот
наконец он сливается с ними и резко
оживает и прыгает вниз. И все общество резво
убегает во тьму. Небосвод
прячет звезды за тучу, и мыслящий трезво
назовет

похищенье вождя
— так как первые капли блестят на скамейке —
назовет похищенье вождя приближеньем дождя.
Дождь спускает на землю косые линейки,
строая в воздухе сеть или клетку для львиной семейки
без узла и гвоздя.

Теплый
дождь
моросит.

Как и льву, им гортань не остудишь.
Ты не будешь любим и забыт не будешь.
И тебя в поздний час из земли воскресит,
если чудищем был ты, компания чудищ.

Разгласит
твой побег
дождь и снег.

И, не склонный к простуде,
все равно ты вернешься в сей мир на ночлег.
Ибо нет одиночества больше, чем память о чуде.
Так в тюрьму возвращаются в ней побывавшие люди,
и голубки — в ковчег.

1967